

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

РОМАНЪ ВЪ СТИХАХЪ:

БАЙРОНА.

ПѢСНЯ ВТОРАЯ.

I.

Наставники намъ всѣмъ извѣстныхъ странъ!
Чтобъ правдивностьъ исправить молодежи,
Изореняйте розгами обманъ.
Съчь нужно, съчь... Что значитъ боль для кожи?
Мы для примѣра можемъ указать
На нашего героя: много мать
О воспитаньи сына хлопотала,
И — позднее раскаянье узнала.

II.

Но если бь былъ онъ въ школу помѣщенъ
Въ четвертый или третій классъ, тогда бы

Свои мечты въ трудахъ покинулъ онъ
 (На сѣверѣ ея порывы слабы).
 Но подъ испанскимъ солнцемъ, можетъ быть,
 Не такъ легко за юностью слѣдить,
 И Донъ-Жуанъ, съ женой поссоривъ мужа,
 Учителей сбилъ съ толку. Почему же?

III.

Лишь я одинъ дивиться тутъ не могъ,
 Когда узналъ подробно это дѣло:
 Была съ нимъ мать-философъ, педагогъ —
 Его осломъ назвать мы можемъ смѣло,
 Хорошенькая женщина (она,
 Понятно, и была во всемъ грѣшна),
 Мужъ старый, на жену смотрѣвшій тучей,
 И, наконецъ, помогъ счастливый случай.

IV.

Вертись же мѣръ вокругъ оси и съ тобой
 Мы всѣ должны вертѣться, словно тѣни,
 Жить и любить и умирать гурьбой
 И... подати выплачивать и пени.
 Хранить насъ власть, терзаютъ доктора.
 Такъ жизнь пройдетъ и въ землю лечь пора.
 Такъ жизнь пройдетъ: вино, любовь, забавы
 И, можетъ быть, по смерти лавры славы.

V.

Жуанъ былъ посланъ въ Кадиксъ, я сказалъ.
 О Кадиксѣ люблю воспоминанье.
 Онъ ярмаркой своею щеголялъ,
 Покажѣсть въ Перу не было возстанья.
 А сколько чудныхъ дѣвочекъ есть тамъ? —
 Хотѣлъ сказать я: сколько чудныхъ дамъ!

Походка ихъ — съ ума сведеть въ мгновенье.
Съ чѣмъ ихъ сравню? И гдѣ найду сравненье?

VI.

Сравнить ли ихъ съ арабскимъ скакуномъ?
Съ оленемъ стройнымъ? съ легкою газелью?
Нѣтъ, всѣ сравненья слабы... А потомъ —
Вуаль ихъ и баскина! Съ этой цѣлью
Я написалъ бы много, много строфъ.
А ножки ихъ? Я радъ, что не готовъ
Придумать имъ метафоры цвѣтистой...
(О, Муза! будь стыдливою и чистой.

VII.

Согласна? Да? и такъ, впередъ). Вуаль
Назадъ отброшенъ рукою прелестной,
А жгучій взглядъ пронзаетъ грудь, какъ сталь,
И будитъ въ сердцѣ трепеть... Край чудосный!
Когда тебя рѣшусь я позабыть,
Пусть не могу... молитвы сотворить.
Костюмъ испанскій! — полонъ ты приманки,
Какъ и вуаль иной венеціанки (*).

VIII.

Инесой въ Кадиксъ посланъ былъ Жуанъ
Лишь съ цѣлью путешествія морскаго.
Инесою задуманъ этотъ планъ, —
Понятенъ смыслъ рѣшенія такого:
Корабль для сына долженъ былъ играть
Роль Ноева ковчега и спасать
Его отъ всякаго соблазна и разврата
И чистоту беречь въ немъ до возврата.

(*) *Basquina*, небольшая вуаль, употребляемая въ Испаніи.

IX.

Жуанъ есугдъ велѣлъ собраться въ путь,
 Взялъ кошелекъ и слушалъ наставленья:
 Онъ на четыре года ѣхалъ. Грудь
 Инесы разрывалась, безъ сомнѣнья.
 (Вѣдь всякая разлука тяжела).
 Въ спасенье сына вѣря, мать дала
 Ему рядъ мудрыхъ, письменныхъ совѣтовъ
 И... не забыла банковыхъ билетовъ!

X.

Межъ тѣмъ, чтобъ время кое-какъ убить,
 Вдова въ воскресной школѣ занималась
 И начала мальчишекъ въ ней учить
 И рѣзвость ихъ смирять, порой, старалась.
 Въ тотъ день читать учились шалуны
 И розги получали за вину.
 Успѣхъ въ развити Донъ-Жуана много
 Помогъ развить въ ней смѣлость педагога.

XI.

И вотъ Жуанъ на кораблѣ летитъ.
 Попутный вѣтръ и ропотъ непогоды...
 Заливъ Кадикскій дьявольски бурлитъ —
 Я съ нимъ знакомъ еще въ нѣые годы.
 Стоишь — внизу за валомъ валъ бѣжитъ
 И брызгами лицо вдругъ окропितъ.
 Такъ съ палубы Жуанъ въ тотъ день несчастный
 Шепталъ «прости!» — странѣ своей прекрасной.

XII.

Да, тяжело смотрѣть, какъ край родной
 Въ туманномъ горизонтѣ исчезаетъ.

А насъ пугаетъ море глубиной...
 Кто юнъ еще — тутъ голову терлетъ.
 Я помню: покидалъ я Альбионъ
 Лишь въ первый разъ, — въ дали казался онъ
 Мнѣ бѣлой лентой въ водяной пустынь, —
 Всѣ берега другіе были — сини.

XIII.

Жуанъ въ тоскѣ на палубѣ стоялъ.
 Корабль трещалъ, вылъ вѣтеръ разъяренный,
 И городъ наконецъ изъ глазъ пропалъ
 И ужъ казался точкой отдаленной...
 Ахъ, отъ морской болѣзни, господа,
 Бифштексъ — одно спасенье!... Никогда
 Не смѣйтесь въ морѣ надъ моимъ совѣтомъ:
 На опытѣ я убѣдился въ этомъ.

XIV.

На берега смотрѣлъ Жуанъ съ кормы —
 Они въ дали неясной исчезали.
 Не справимся съ разлукой первой мы,
 Какъ вонны, которые попали
 Въ край, имъ чужой. Необъяснимый гнѣвъ
 Лежитъ на сердцѣ, горе насъ сосетъ,
 И даже тѣ, кого мы не любили,
 При разставаньи дороги намъ были.

XV.

А Донъ-Жуанъ о многихъ могъ страдать:
 Онъ кинулъ мать, любовницу, — къ тому же
 Онъ отъ жены не думалъ убѣгать,
 И потому разлука вдвое хуже
 Ему казалась. Если мы безъ слезъ
 Не бросимъ тѣхъ, съ кѣмъ въ ссорѣ жить пришлось,

То милымъ сердцу племъ свои рыданья
И помнимъ ихъ до новаго страданья.

XVI.

Жуанъ рыдалъ, какъ пѣнный Іудей,
Припомнившій Сіонскій берегъ живо.
Я бѣ самъ заплакалъ съ музою моею,
Но эта муза къ счастью не плаксива...
Нѣтъ, не убьетъ подобная печаль.
Пусть молодежь отъ скуки ѣздитъ въ даль,
И эта пѣсня — думаю заранѣ —
Найдется, можетъ быть, въ ихъ чемоданѣ.

XVII.

Жуанъ рыдалъ, руньи соленыхъ слезъ
Въ соленомъ морѣ тихо исчезали, —
«Прекрасное къ прекрасному» (я выросъ —
Любя цитаты; эту вы слышали
Отъ Датской королевы, свой вѣнокъ,
Сложившей надъ могилою у ногъ
Офеліи); онъ въ думу погрузился
И навсегда исправиться рѣшился.

XVIII.

«Прости, мой край!» воскликнулъ Донъ-Жуанъ.
«Въ толпѣ другихъ изгнанниковъ несчастныхъ,
Быть можетъ, я умру среди чуждыхъ странъ
Съ одной мечтой о берегахъ прекрасныхъ.
Гвадалквивирь, мать милая! Прости,
О, Юлія!... Одинъ я на пути»...
(Ея письмо онъ вынимаетъ снова
И перечелъ отъ слова и до слова).

XIX.

«Забуть тебя? Нѣтъ, прочь бѣги, обмань!...
 Забвенье не поможетъ никогда намъ...
 Скорѣй затопить землю океанъ,
 Соляется воздухъ самый съ океаномъ,
 Чѣмъ образъ твой разстанется со мной...
 Лекарства нѣтъ душѣ моей больной»...
 (Но тутъ корабль ужасно сталъ качаться
 И Донъ-Жуанъ въ болѣзнь могъ признаться)
 ...

«Скорѣй весь міръ»... (Онъ очень болѣнь сталъ)
 «О, Юлія! тебя ни на минуту...
 (Ликеру мнѣ, пока я не узнаю, —
 Мой Педро, помоги сойти въ каюту.)
 О, Юлія!... (Скорѣе, Педро-плутъ!...)
 О, Юлія! (Ахъ, что за качка тутъ!)
 Пусть голосъ мой для милой будетъ сладокъ»...
 (Но тутъ случился съ нимъ морской припадокъ.)

XXI.

То былъ недугъ, котораго, увы!
 Не истребитъ лекарствами аптека,
 Когда любовь бѣжитъ изъ головы
 И пропадаютъ страсти человека,
 Когда мы цѣнимъ только лишь себя,
 Не вѣря, не надѣясь на любя...
 Жуана рѣчь была хоть патетична,
 Но качкою смирился онъ отлично.

XXII.

Любовь—капризна. Часто ей смѣшна
 Горячка страсти, полная причуда,

Порою же терлется она
 Отъ насморка и горловой простуды.
 Подобный незначительный недугъ
 Въ ней порождаетъ и слабость, и испугъ:
 Не глупо ли, скажите, въ часъ свиданья
 Вздохъ перервать для пошлаго чиханья?

XXIII.

Но рвоты богъ любви не выносилъ
 Въ тотъ часъ, когда въ желудкѣ боль начнется.
 Любовь пойдетъ смотрѣть на вскрытые жилы,
 А отъ припарки теплой отвернется.
 Болѣзнь морская—гибель для любви,
 И хоть Жуанъ огонь нигдѣ въ крови,
 Но страсть слаба предъ силой желудка,
 И на морѣ волненіе—не шутка.

XXIV.

Въ Ливорнскій портъ корабль съ Жуаномъ плыветъ
 (Корабль носилъ названье «Trinidad»),
 За тѣмъ, что тамъ съ времянь давнишнихъ жилъ
 Жуана старый родственникъ Монкада.
 Къ нему-то онъ въ знакъ родственныхъ связей
 Въ Испаніи взялъ письма отъ друзей,
 Которые въ Италію писали,
 Въ тотъ день, когда Жуана провожали.

XXV.

Жуана кромѣ слугъ сопровождалъ
 Педрильо, гувернеръ и мужъ ученый:
 Хоть много языковъ онъ понималъ,
 Теперь безъ языка былъ и смущенный
 На койкѣ опрокинувшись лежалъ,
 Кляня со стономъ каждый новый валъ.

~~СЛОВО~~
Къ тому жь волна сквозь палубу влетала
И пѣною Педрилью обдавала.

XXVI.

А вѣтеръ вѣять и къ ночи дулъ сдѣлалъ,
И новичкамъ казалось страшно море.
Одинъ морякъ привыкъ дышать вольный
Во время бурь, и граваникъ на просторѣ.
Мрачнѣе становилась небеса
И моряки сдѣлали паруса,
Чтобъ буря разомъ мачты не сломила
И по кускамъ ихъ въ морѣ разбросала.

XXVII.

Въ часъ вѣтеръ быстро измѣнился. Валъ
Корабль встряхнулъ ударомъ страшнымъ сзади,
Потрясъ корму, стернь поетъ на ней сорвалъ:
Открылась брешь въ пловучей той громадѣ.
И прежде чѣмъ пловцы взяли за умъ —
Руль сорванъ былъ и наполнился трюмъ
Водою на четыре ровно фута.
Скорѣе къ помпамъ! страшная минута!..

XXVIII.

Часть экипажа къ помпамъ палагла,
Другіе грузъ выбрасывали въ воду
Но брешь еще невидима была.
Когда жь ее открыли, то народу
Казалось, гибель только суждена:
Врывалась въ брешь свирѣчая волна.
Хотя туда товаровъ складъ бросали,
Но массы волкъ ничѣмъ не удержали.

XXX.

Всѣ хлопоты бѣдѣ не помогли
 И пассажирамъ гибель угрожала,
 Но помпы ихъ на этотъ разъ спасли.
 Всѣмъ морякамъ безъ нихъ бы плохе стало:
 Посредствомъ ихъ выкачивали въ часъ
 Воды ужасно много, и для насъ.
 Должно быть оловянныя сара Мещера:
 Изобрѣтеніе помпы — великое изобрѣтеніе.

XXXI.

День наступилъ и вѣтеръ сталъ стихать,
 Явилася надежда на спасеніе,
 Хотя вода не стала убывать
 И помпы не оставили движенія.
 Но къ вечеру шквалъ новый начался,
 Канатъ на пушкахъ съ громомъ порвался,
 Громадный валъ на палубу низринуть —
 Корабль быдѣ разомъ на бокъ опрокинуть.

XXXII.

И такъ лежалъ. Вода изъ трюма въ декъ
 Вдругъ перешла и тамъ открылись сцены,
 Которыхъ не забудетъ чѣловѣкъ,
 Какъ дни войны, пожаровъ и измѣны,
 Какъ все, что будить жалость до конца:
 Разбитыя надежды и сердца...
 Намъ рисовали часто сцены эти
 Скитальцы, долго жившіе на свѣтѣ.

XXXIII.

Двѣ мачты были срублены тотчасъ,
 Но на боку лежалъ корабль разбитый,

Какъ истуканъ. Надежды лучъ угасъ....
 Еще одинъ остался путь открытый:
 Вотъ срублены фокъ-мачта и бугшпритъ,
 (Хоть ни экипажъ весь дорожить —
 И рубить ихъ лишь въ предвѣстии несчастной)
 Корабль поднялся съ силою ужасной.

XXXIII.

А между тѣмъ весь парубольный миръ
 Не могъ спокойно бурей любоваться;
 Не могъ желать печальный пассажиръ
 Съ привычками и съ жизнью расстаться.
 И даже самый опытный морякъ,
 Предвидя смерть, сталъ дисциплины — врагъ.
 Всѣ моряки въ чаду такой тресоты
 Лишь думаютъ о розѣ или грогѣ.

XXXIV.

Порой, въ дни забвенья ищешь ты,
 Вино теперь спасеніемъ являясь
 Для моряковъ... Среди полнотной тьмы —
 Въ выгнанныхъ водахъ буря дико злится,
 Ревѣло море грозное вокругъ;
 Страхъ подавилъ во всѣхъ морской недугъ,
 Молитвы и проклятья раздавались
 И съ хоромъ волнъ клопочущихъ сливались.

XXXV.

Чтобъ экипажъ отъ пьянства удержать,
 Одинъ Жуанъ нашлся въ ту минуту
 И съ шестоюгами въ рукахъ рѣшился стать
 У входа въ злополучную каюту;
 Толпа стоитъ, прецѣтетвіе кланя,
 Какъ будто смерть страшнѣе отъ огня,

Чѣмъ отъ воды. Безумцы брѣвѣли
И умереть нетрезвыи хотѣли.

XXXVI.

«Дай грогу намъ!» они ему кричатъ,
«Мы черезъ часъ всѣ будемъ мертвецами».
Но имъ грозя Жуанъ сказалъ: — «Назадъ!
Пусть мы умремъ, но не умремъ — скотами!»
Онъ постъ опасный силѣ сохранялъ,
Но выстрѣлъ пистолета всѣхъ испугалъ
И самому Педриньо — педагогу
Не позволялъ онъ выдать канавъ грогу.

XXXVII.

Старикъ, вполне испытывая страхъ,
Слалъ скорбныя стеланія къ отчизнѣ.
Онъ каялся во всѣхъ своихъ грѣхахъ
И далъ обѣтъ объ измѣненн жизни,
Каялся — что онъ забудетъ дѣламъ свѣта,
Запретя въ свой ученый кабинетъ,
Что странствовать пропалъ въ намъ охота
Подобно Санчо-Пансѣ Домъ-Кивота.

XXXVIII.

Надеждою живутъ еще сердца.
Днемъ вѣтеръ стихъ, но течь не уменьшалась.
Вкругъ — отмели и море безъ конца.
Но судно на водѣ еще держалось,
Хоть бесполезно дѣйствовало насосъ;
Когда же солнце въ небѣ поднялось,
Кто былъ сильнѣй — работать къ помпамъ сталъ,
Кто послабѣй, тѣ паруса собирали.

XXXIX.

И вотъ подъ киль убрали паруса —
Но смерть для всѣхъ являлась неизбежной:
Корабль разбитъ, темнѣютъ небеса.
Да океанъ волнуется безбрежный.
Но все-таки еще возможенъ путь, —
Вѣдь никогда не поздно утонуть, —
Хоть, впрочемъ, каждый смерти ожидаетъ,
А потопленья вовсе не желаетъ.

XL.

И носятся пловцы впередъ и назадъ
Въ волненіи Ліонскаго залива,
И кораблемъ подъ громовой раскатъ
Лишь только вѣтры правятъ приотлаве.
Никто не зналъ, что будетъ черезъ часъ —
Смерть, или жизнь? но все же, судьба пеклась
О корабль: держался онъ ужь сутки
И плыль немощнымъ только хумо...

XLI.

Хоть вѣтеръ стихъ, но кто же вѣрить могъ
Въ спасеніе? — вкругъ волны разбѣгались...
Была еще причина для тревогъ:
Всѣ безъ воды остаться опасались
И стали воду меньше истреблять...
Напрасно даль старались озвучать —
Ни точки нѣтъ въ безбрежномъ океанѣ,
Лишь ночь плыветъ, да волны бьютъ въ туманѣ.

XLII.

Вдругъ непогода снова началась,
Весь трюмъ кругомъ ужь залитъ былъ водою,
Т. СVI. Отд. I.

Но экипажъ былъ бодръ на этотъ разъ,
 Какъ будто онъ сжился съ своей бѣдою.
 Когда жъ всѣ цѣпи лопнули — вода
 Со всѣхъ сторонъ нахлынула, тогда
 Корабль сталъ гибнуть... Волны также злобны,
 Какъ люди въ дни рѣзни междоусобной.

XLIII.

Съ слезами плотникъ старый объявилъ,
 Что ужъ теперь онъ не поможетъ горю;
 Онъ много испыталъ и много жилъ
 И съ раннихъ, дѣтскихъ лѣтъ привыкъ онъ къ морю.
 И если онъ заплакалъ въ этотъ часъ,
 То не отъ страха слезы шли изъ глазъ,
 Но были у него жена и дѣти, —
 Ихъ тяжело намъ покидать на свѣтѣ.

XLIV.

Часть корабля ужъ начала тонуть.
 Все вокругъ смѣшалось... Слышались моленья,
 Обѣты (ахъ! едва ли кто нибудь
 Со временемъ привелъ ихъ въ исполненье...)
 Иные къ лодкамъ бросились. Одинъ
 Передъ Педрильо сталъ, какъ грѣшный сынъ,
 Вслухъ каяться, казнясь за грѣхъ прошедшій,
 Но гналъ его старикъ, какъ сумасшедшій.

XLV.

Тѣ — надѣвали лучшій свой нарядъ,
 Другіе къ койкамъ тѣло подвязали,
 Иные, призывая смерть и адъ,
 Ненстovo зубами скрежетали;
 Иные суетились и, челнокъ
 Спуская въ море, думали, что могъ

Онъ выдержать и бурю и волнение,
 Что къ берегу примчигь его гоненье.

XLVI.

Но у пловцовъ была еще бѣда
 И съ ней сильнѣй казалось наказанье:
 Нужна была имъ пища и вода,
 Чтобъ облегчить хоть нѣсколько страданье;
 Ихъ и предъ смертью голодъ устраивалъ,
 Весь экипажъ лишь только сохранялъ.
 Для катера — надежда ихъ не гасла —
 Двѣ бочки сударей и вадку масла.

XLVII.

Взялись за шлюбку, также и туда
 Положенъ хлѣбъ, непопорченный въ дорогѣ,
 Вино въ шести бутылкахъ и вода
 Въ одномъ боченкѣ. Удалось въ тревогѣ
 Изъ трюма взять часть мяса впритомъ,
 Часть поросенка схвачена съ трудомъ
 (Хоть прибыли не много въ поросенкѣ),
 И, наконецъ, былъ ремъ у нихъ въ боченкѣ.

XLVIII.

Двѣ остальные лодки межъ зыбей
 Разбиты были... волны ихъ умчали.
 И въ самой шлюбкѣ толку мало: въ ней
 Два одѣяла парусъ замѣняли,
 А вмѣсто мачтъ нашлось весло одно...
 Толпа стремилась въ катеръ, въ шлюбку, но
 Они держать въ себѣ не въ силахъ даже,
 Къ несчастью, половины экипажа.

XLIX.

Сгущалась тьма надъ бездной водной,
 Угрюмый день вшеялъ надъ ней покровомъ,
 Подъ нимъ скрывался образъ роковой,
 Готовый мстить въ величїи бурномъ,
 Бросала ночь свой тусклый, мертвый взоръ
 На смерть пловцовъ и на морской просторъ.
 Двѣнадцать дней дунта людей томилась,
 Но вотъ и смерть безстрастная явилась.

L.

Въ отчаяннѣ хотѣли сдѣлать плоть,
 Какъ будто могъ онъ на водѣ держаться;
 Могъ возбудить бы смѣхъ поступокъ тотъ,
 Когда бъ теперь рѣшился кто смѣяться...
 Нѣтъ, только тѣмъ картина та смѣшна,
 Кто хохоту предался отъ вина,
 Кто одержимъ болѣзнію надучей:
 Могли спасти ихъ — куда или случай.

LI.

Чтобъ долѣе держаться на водѣ,
 Бросали въ волны брусья, клѣтки, бревна...
 Хотя спасенья не было нигдѣ,
 Но смерть никто не встрѣтитъ хладнокровно.
 На небѣ тьма и пракъ лежитъ густой.
 Два бота въ путь отправились съ толпой.
 Корабль нырнулъ, успѣлъ еще подняться
 И... началъ тихо въ море погружаться.

LII.

И вырвался ужасный, дикій крикъ, —
 Кричали трусы, храбрые молчали, —

Иные въ волны бросились въ тотъ мигъ,
 Какъ будто смерть предупредить желали —
 И море пасть раскрыло, словно адъ...
 Приливу волнъ корабль былъ точно радъ:
 Такъ человекъ въ борьбѣ изнемогаетъ,
 Но задушить врага еще желаетъ.

LIII.

Послѣдній крикъ отчаяннѣе былъ
 Сильнѣй, чѣмъ громъ, чѣмъ ропотъ океана
 И вновь все стихло... Вѣтеръ только вылъ,
 Да волны голосили. Изъ тумана
 Порою доносился смертный стонъ
 Пловца, когда въ борьбѣ напрасной онъ
 Послѣднимъ крикомъ съ жизнью прощался
 И власти волнъ холодныхъ отдавался.

LIV.

Часть экипажа въ боты перешла,
 Но впереди надежды было мало:
 Какъ прежде, въ морѣ буря ихъ ждала,
 Какъ прежде, непогода бушевала,
 И береговъ нигдѣ не встрѣтитъ взглядъ;
 А въ лодкахъ помѣстились густо въ рядъ
 До сорока несчастныхъ, что не мало
 Опасный путь на морѣ затрудняло.

LV.

Всѣ остальные — канули на дно
 И двѣсти дунгъ нашихъ могли въ морѣ...

.

.....

LVI.

Жуанъ былъ въ шлюбкѣ. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ
 Старикъ Педрильо и дрожалъ всѣмъ тѣломъ.
 Ихъ роли измѣнились вдругъ. Глядясь
 Жуанъ отважно, съ видомъ очень смѣлымъ,
 Но смѣлостью похвастаться не могъ
 Испуганный, трусливый педагогъ,
 А Тита вовсе не было на лодкѣ:
 Онъ утонулъ, напившись слишкомъ водки.

LVII.

И съ Педро тажъ бѣда случилась. Онъ,
 Предавшись пьянству очень безразсудно,
 Былъ въ ту минуту въ морѣ унесенъ,
 Когда хотѣлъ вступить ногою въ судно.
 И такъ, нашель онъ смерть... въ водѣ съ виномъ.
 Спассти его хотѣли, но кругомъ
 Волна все выше, выше поднималась,
 А въ шлюбкѣ мѣста больше не осталось.

LVIII.

На палубѣ въ то время стала выть
 Испанская собачка Донъ-Жуана
 (Отецъ его привыкъ ее лобить).
 Она погибель чувствовала рано
 И выла такъ (у псовъ вѣдь чуткій носъ),
 Но былъ спасенъ Жуаномъ вѣрный несть:
 Швырнулъ его онъ въ шлюбку торопливо
 И послѣ самъ въ ней помѣстился живо.

LIX.

Онъ деньгами успѣлъ набить карманъ,
 Въ карманъ Подрильо сунуль деньги тоже:
 Тотъ дѣлалъ все, что пожелалъ Жуанъ,
 И въ страхѣ повторялъ: спаси насъ, Боже!..
 При брызгѣ волнъ не могъ онъ не трястись,
 Но Донъ-Жуанъ еще мечталъ спастись
 И охранялъ на суднѣ томъ убогомъ
 Испанскую собачку съ педагогомъ.

LX.

Въ ночь вѣтеръ дулъ такъ сильно, что межъ волнъ
 Громадныхъ даже парусъ опускался
 И корабельный катеръ словно челнъ
 нырнулъ въ волнахъ и пѣной обливался.
 За валомъ валъ крутился за кормой...
 Спасенья нѣтъ, путь скрытъ зловѣщей тьмой...
 Надежды, какъ и тѣло, леденѣли
 И гибнетъ катеръ, — волны налетѣли...

LXI.

Десяти душъ еще лишился свѣтъ.
 Но шлюбка на водѣ еще держалась...
 Изъ одѣла парусъ, — мачты нѣтъ:
 Она весломъ разбитымъ замѣнялась.
 Грозилъ смертью каждая волна.
 Опасность для пловцовъ была сильна.
 Они простились съ мертвыми друзьями
 И... бочкою погибшей съ сухарями.

LXII.

Кровавымъ встало солнце—вѣрный знакъ,
 Что непогода будетъ продолжаться.

Капризу волнъ,—постигъ любой морякъ,—
 Имъ оставалось только доуѣряться.
 Для подкрѣпленья силъ была дана
 Всѣмъ порція—одинъ глотокъ вина;
 Подмокшимъ хлѣбомъ странники питались...
 Одни клочки отъ платья ихъ остались.

LXIII.

Ихъ было тридцать въ страшной тѣсотѣ
 Они толпились въ лодкѣ и дрожали.
 Одни въ ней помѣщались стоя,—тѣ
 Всѣ синіе отъ холода лежали,
 Но не затѣмъ, чтобъ отдыхъ находить...
 Такъ привелось имъ въ ботѣ этомъ плыть
 Подъ ревъ грозы. Крутился валъ за валомъ...
 Лишь сводъ небесъ служилъ имъ покрываломъ.

LXIV.

Желанье жить—жизнь можетъ сохранять.
 Ту истину врачи давно признали:
 Тотъ страшный могъ недугъ переживать,
 Кого любовь и дружба не терзали,
 Кто испытаній тяжкихъ не знавалъ
 И въ жизнь свою надежды не терялъ.
 Отчаянье есть врагъ выздоровленья
 И сокращаетъ жизнь и наслажденья.

LXV.

Имѣющій пожизненный доходъ
 Живетъ, я слышалъ, дольше, чѣмъ другіе;
 Иной безсмертенъ словно и живетъ,
 Не зная гроба,—право, есть такіе!—
 И все растутъ итоги ихъ долговъ...
 Невольно вспоминаю заѣсъ жидовъ.

Я имъ долженъ когда-то безразсудно—
Платить потомъ мнѣ было очень трудно.

LXVI.

И плившимъ въ ботѣ жизнь была мила.
Чтобъ жизнь сберечь, они переносили
Всѣ бѣдствія, упорны, какъ скала,
Съ которой волны съ яростью скользяли.
Морякъ живетъ въ опасностяхъ свой вѣкъ,
Съ тѣхъ поръ, какъ Ной, построивъ свой ковчегъ,
Въ немъ по волнамъ бунтующимъ слонялся...
(Престранный экипажъ тамъ помѣщался)...

LXVII.

Всѣ люди плотояды и хотятъ
Имѣть обѣдъ—разъ въ день, но крайней мѣрѣ,
И человѣкъ всегда добычѣ радъ,
Какъ дикій тигръ, анула, какъ всѣ звѣри.
Растительную пищу иногда
Хоть мы жуемъ, но человѣкъ труда,
Работѣ долгой преданная масса,
Предпочитаетъ этимъ блюдамъ—мясо.

LXVIII.

Такъ думали и наши моряки.
На третьи сутки волны присмирѣли;
Всѣ ожили, воскресли отъ тоски,
Пріятный трепетъ разлился въ ихъ гѣлѣ.
Укачены струями тихихъ водъ
Какъ черепахи спятъ они, но вотъ
Проснулись всѣ; то голодъ пробудилъ ихъ—
Сдержатъ ихъ жадность было ужъ не въ силахъ...

LXIX.

Послѣдствія понять не мудрено:
 Они съ ожесточеньемъ истребляли
 Весь свой запасъ — и пищу и вино —
 О будущемъ они не разсуждали.
 Надежда ихъ была еще сильна,
 Что принесетъ ихъ къ берегу волна,
 Но объ одномъ веслѣ они забыли...
 Надежды ихъ несбыточными были.

LXX.

Четвертый день — а въ морѣ таже гладь,
 Спитъ океанъ ребенкомъ безмятежнымъ,
 Не хочетъ вѣтеръ рѣзвый заиграть, —
 И небеса сверкаютъ блескомъ нѣжнымъ.
 Съ однимъ весломъ что дѣлать? вотъ вопросъ, —
 А между тѣмъ ихъ голодь росъ и росъ
 И наконецъ Жуанъ песъ несчастный
 Явился жертвой жадности ужасной,

LXXI.

Собачкою питались два дня;
 Хотя Жуанъ не ѣлъ ее сначала,
 Привязанность родителя цѣня,
 Но одержимый голодомъ шакала,
 Отъ трапезы теперь не уходилъ
 И лапку пса съ Педрильо раздѣлилъ;
 Тотъ, проглотивъ ее неосторожно,
 Просилъ еще прибавки, если можно.

LXXII.

Прошло семь дней, а вѣтра нѣтъ, какъ нѣтъ.
 Подъ жгучимъ солнцемъ, трупами слѣды

Пловцы,—отъ пищи ихъ и самый слѣдъ
 Давно исчезъ. Глаза огнемъ торѣли,
 Ихъ видъ зловѣщей дикостью пугалъ
 И, хоть никто ни слова не сказалъ,
 Но страстью канибальскою сверкали
 Ихъ волчьи взгляды... люди страшны стали.

LXXIII.

Одинъ шепнулъ другому что-то,—тогъ
 Съ товарищемъ тихонько пошептался.
 Межъ ними ропотъ сдержанный растетъ
 И наконецъ зловѣщій звукъ раздался.
 Всѣ поняли, что мысль теперь одна
 Смутила ихъ, что эта мысль сильна,
 И порѣшили жребій кинуть смѣло
 И принести на жертву кровь и тѣло.

LXXIV.

Но передъ тѣмъ они между собой
 Обрывки кожи, обувь раздѣлили
 И, наконецъ, измучены борьбой,
 Ужасный договоръ свой заключили.
 Для жребія билеты найдены,—
 О, Муза! здѣсь заплакать мы должны!—
 Для тѣхъ билетовъ,—вотъ такъ злодѣянье!—
 Жуанъ лишенъ былъ Юлиа посланья.

LXXV.

Билеты взяты,—страшный мигъ насталъ.
 Всѣ въ молчаливомъ ужасѣ стояли:
 Въ нихъ даже голодъ дикій замолчалъ,
 Которымъ всѣ они сейчасъ страдали.
 Какъ Прометей воршунъ, онъ просилъ
 Кровавой жертвы этой... Избранъ былъ

По жребію для злобы несчастной
Наставникъ Донъ-Жуана безвѣстный.

LXXVI.

Педрильо объ одномъ лишь умолялъ,
Чтобъ могъ онъ умереть провѣрусканьемъ.
Исполнилъ медикъ все, что онъ желалъ: —
Педрильо умеръ тихо съ упованьемъ...

Подставилъ шею, молча поджалъ руки
И умеръ безъ страданія и муки.

LXXVII.

Хирургъ за трудъ свой могъ быть награжденъ
Любымъ кускомъ отъ тѣла педагога,
Но былъ сильнѣе жаждой мучимъ онъ
И напился изъ вены крови много.
Педрильо былъ раздѣленъ на куски;
Остатки въ море бросили и тамъ
Голодные акулы ихъ ловили...
Пловцы свой голодъ тѣломъ утоляли.

LXXVIII.

Учитель съѣденъ былъ. Два-три пловца,
Изъ всей толпы питаться имъ не стали.
И Донъ-Жуанъ до мяса мудреца
Не прикоснулся даже. Онъ едва ли
Рѣшился бѣ утолить свой аппетитъ
Наставникомъ и другомъ (что да сказать!),
Хотя бѣ и смерть голодная провидя:
Жуана пища та не соблазнила.

LXXIX.

Онъ счастливъ былъ, что трупъ тотъ не глодавъ,
 Послѣдствія ужасныя открылись:—
 Кружокъ пловцовъ вдругъ сумасшедшимъ сталъ,
 Проклятiя ихъ въ воздухъ носились.
 Во всемъ цинизмѣ встала нагота—
 Они крутились съ пѣною у рта,
 Метались, зубами скрежетали
 И съ воплями гiэны умирали.

LXXX.

Смерть сократила путниковъ число,
 Живущiе вокругъ памяти лишились,
 Что, можетъ быть, на время ихъ спасло;
 Иные же несчастные собирались
 Еще другую жертву выбрать вновь
 И пожирать собрата плоть и кровь —
 И жадности послѣдствiе ни мало
 Безумцевъ одиночныхъ не пугало.

LXXXI.

Подшкиперъ жирный прежде всѣхъ привлекъ
 Ихъ жадный взоръ, но озираясь смѣло,
 Онъ по одной причинѣ храбро могъ
 Отъ челюстей сберечь свой жиръ и тѣло.
 Причина та: съ испанскихъ береговъ
 Уѣхалъ онъ и былъ не такъ... здоровъ.
 Одна испанка... не скажу, что было...
 Но моряка отъ смерти сохранила.

LXXXII.

Остатки отъ Педрiльо берегли.
 Одни до нихъ дотронуться не смѣли,

Иные же себя сдержатъ могли
 И понемногу мясо это ѣли,
 Одинъ Жуанъ межъ ними устоялъ:
 Жевалъ камышъ или свиное сало,
 Когда жъ трехъ птицъ морскихъ онъ поймалъ,
 То трупъ кровавый больше не терзалъ.

LXXXIII.

Кого Педрильо участь поразила,
 Тотъ Уголино здѣсь припомнить можетъ,
 Какъ онъ надъ черепомъ врага сидитъ
 И этотъ черепъ съ жадностью гложетъ (*).
 Когда въ аду врага мы можемъ съѣсть,
 То на морѣ еще возможность есть
 Позавтракать товарищемъ деревнистымъ,
 Голодному все кажется возможнымъ.

LXXXIV.

Въ ту ночь съ небесъ обильный дождь упалъ,
 И съ жадностью пловцы его глотали.
 Лишь тотъ водѣ хорошей цѣну зналъ,
 Кто плавалъ въ морѣ. Если вы бывали
 Среди пустынь безбрежныхъ, гдѣ вода
 Нужна, какъ жизнь, какъ воздухъ, — лишь тогда
 Живительный напитокъ вы цѣнили
 И за него судьбу благодарили.

LXXXV.

Отраднѣе дождь лился, какъ изъ ведра,
 Но жажду имъ они не утоляли

(*) Данте въ своемъ «Inferno» (capo XXX, v. 60) заставляетъ Уголино рассказывать исторію своего голода, по окончаніи которой онъ принимается съ ожесточеніемъ глотать голову своего врага.

Кусокъ холста помогъ имъ, и тогда
 Они его какъ губку наватали
 И выжимали послѣ этотъ сокъ.
 Хотя послѣдній каменьщикъ не могъ
 Доволенъ быть питьемъ такимъ съ избыткомъ,
 Пловцы же наслаждались тѣмъ напиткомъ.

LXXXVI.

Полопались сухія губы ихъ
 И нектаромъ вода имъ представлялась,
 И языки распухшіе у нихъ
 Всѣ были очень черны: такъ писалось
 О богачѣ, который въ адъ попалъ
 И нищаго съ слезами умолялъ,
 Чтобы языкъ запекшійся и черныи
 Онъ ослѣжилъ водою благотворной.

LXXXVII.

Въ той группѣ находились два отца
 И съ каждымъ—сынъ. Въ одномъ нищѣла снае,
 Но дождался онъ смертнаго конца
 И умеръ вдругъ. Отецъ взглянулъ уныло
 И прошепталъ надъ сыномъ дорогимъ:
 «Да будетъ воля Божія надъ нимъ!»
 Потомъ смотрѣлъ, слезой не выдавъ горя,
 Какъ сына трупъ исчезъ въ глубокомъ морѣ.

LXXXVIII.

Другой же мальчикъ былъ и слабъ и худъ,
 Съ прекрасными и нѣжными щеками;
 Несчастіе тяжелое и трудъ
 Дѣлалъ онъ терпѣливо съ моряками.
 Улыбкою печальною лица
 Желалъ, порой, утѣшить онъ отца,

Въ которомъ замѣчалъ весь ужасъ муки
Съ предчувствіемъ грозящей имъ разлуки.

LXXXIX.

Надъ мальчикомъ стоялъ его отецъ,
Съ его лица не отводилъ онъ взгляда,
Стирая пѣну съ губъ. Вотъ, наконецъ,
Желанный дождь явился, какъ отрада,
И мальчика стеклянный взоръ опять
Сталъ оживляться больше и быстрее.
Но дождевыя капли упали
Не во время и силъ не возвращали.

Онъ умеръ тоже. Долго милый трупъ
Держалъ отецъ и все смотрѣлъ на сына,
Когда же по изгибу жертвы губъ
Онъ понялъ все, то тяжкая причина
Тогда легла на сердце старика.
Онъ все глядѣлъ на мертваго, пока
Тотъ не исчезъ въ волнахъ, и рухнулъ разомъ,
Какъ будто съ нимъ терялъ онъ жизнь и разумъ.

XCI.

Но вотъ на небѣ радуга взошла,
Раскинувшись надъ синими волнами,
И яркимъ свѣтомъ воздухъ залила...
Въ той золотой и полукруглой рамѣ
Все было такъ и ясно и тепло,
И очертанье радуги тепло
По небесамъ... дуга перерывалась.
И, наконецъ, совсѣмъ изъ глазъ уходила.

XСН:

Мѣнялась ты, небесаъ Хангелеонъ!
 Воздушное дитя паровъ и свѣта,
 Ты, пурпуромъ облитое съ неба,
 И въ золотѣ рожденное въ часъ лѣта,
 Блестящее, какъ солнечный разсвѣтъ,
 Ты всѣ цвѣта въ одинъ слѣваешь цвѣтъ,
 Какъ глазъ подбитый въ очень жаркомъ спорѣ
 (Вѣдь маска не всегда есть на боеврѣ).

XСНІ.

Хорошимъ знакомъ радуга была
 И моряки надѣялись заранѣ.
 Намъ древность тотъ обычай сберегла:
 Такъ думали и греки и римляне.
 Надежда возбуждаетъ бодрость въ насъ,
 Пловцы же въ ней нуждались въ этотъ часъ
 И радуга—калейдоскопъ небесный—
 Явилась къ нимъ надеждою чудесной.

XСІV.

Замѣтили они, что въ тотъ же часъ
 Надъ ними птица бѣлая летала,
 Похожая на голубя: не разъ
 Съѣсть прямо въ лодку къ нимъ она желала,
 Хоть видѣла, что тамъ сидитъ народъ, —
 Она—то взадъ послалась, то впередъ
 До самой ночи поздней: птицу эту
 Всѣ приняли за добрую примѣту.

XСV.

Но все же птица сдѣлала умно,
 Что въ лодку къ нимъ спуститься не рѣшилась:
 Т. СVІ. Отд. I.

Та лодка — не церковное окно,
 Гдѣ прежде, можетъ быть, она гнѣздилась...
 Нѣтъ, еслибъ даже птица та была —
 Хоть голубь изъ ковчега, — то *О* жила
 Она не долго: голубь съ *вѣт*ной *а*мра
 Тотчасъ бы сталъ обѣдомъ пассажира.

XCVI.

Подъ вечеръ сталъ слышнѣе вѣтеръ дуть,
 На небѣ темномъ звѣзды заблестали
 И лодка продолжала снова путь.
 Но всѣ пловцы теперь такъ слабы стали,
 Что ничего понять ужь не могли.
 То чудились имъ берега земли,
 То выстрѣлы изъ пушекъ раздавались, —
 То будто волны въ скалы ударялись.

XCVII.

Настало утро; вѣтеръ стихъ опять.
 Вкругъ закричалъ одинъ изъ нихъ и клялся,
 Что видитъ землю, можетъ различать,
 Какъ дальній берегъ солнцемъ освѣщался.
 Они глядятъ, разкрывъ глаза, впередъ,
 Ужель опять обманъ? Но ближе — вотъ
 Предъ ними точно берегъ открывался,
 И все яснѣй, яснѣе рисовался.

XCVIII.

У многихъ видны слезы на глазахъ,
 Иные съ помѣшательствомъ смотрѣли,
 Надежду въ нихъ смѣняли невольный страхъ:
 Они какъ будто разомъ отупѣли.
 Иные же молились. Третья наша
 Уснувшими, но только не могли

Ихъ разбудить... Напрасно! Межъ пловцами
Они давно ужъ стали мертвецами.

XCIX.

Предъ этимъ за день странники къ водѣ
Большую черепаху вдругъ поймали.
И ею сутки цѣлые въ нуждѣ,
Невыносимый голодъ уталяли.
Та пища ихъ отъ гибели спасла
И новыя надежды принесла.
Всѣ думали, оправившись отъ страха,
Что послана судьбой та черепаха.

C.

Они неслись къ скалистымъ берегамъ,
Все выше, выше скалы выростали,
Чѣмъ ближе приближались къ нимъ, но тамъ
Край незнакомый люди увидали.
Никто изъ нихъ тогда не понималъ,
Куда принесъ ихъ прихотливый валь:
То думали, что Эгнэ увидали,
То Кипръ, Родосъ, но правды не узнали.

CI.

Межъ тѣмъ къ землѣ теченье ихъ несло:
Харонъ съ тѣнями въ лодкѣ плылъ, казалось.
Надъ ними смерти вѣяло крыло —
Ужъ въ лодкѣ только четверо осталось
И трое мертвыхъ; бросить ихъ въ потокъ
По слабости никто теперь не могъ,
Хоть двѣ акулы сзади ихъ играли
И пѣною ихъ лица орошали.

СН.

Отчаяніе, холодъ, жажда, зной
 Такъ изсушили ихъ и истерзали,
 Что даже очи матери родной
 Между пловцами сына не узнали.
 Сгара я днемъ и замерзла въ ночь,
 Не всѣ могли мракъ смерти пронести;
 Водой морской себя они мочили
 И муки ихъ еще страшнѣе были.

СШ.

И вотъ—земля!... Былъ восхищенъ ихъ взглядъ
 Роскошнымъ лѣсомъ, сочными вѣтвями,
 Съ которыхъ словно вѣялъ ароматъ...
 Имъ, видѣвшимъ такъ долго предъ глазами
 Лишь только знойный, жгучій небъ сводъ
 И яркій блескъ необозримыхъ водъ
 Соленой, грозной, мертвенной пучины,
 Прекрасными казались тѣ картины...

СIV.

Былъ берегъ дикъ. О скалы бьется валъ,
 Но въ радости, пловцы какъ помѣшались,
 Ихъ не страшилъ видъ грозныхъ этихъ скалъ:
 Они на встрѣчу къ нимъ теперь помчались.
 Хоть видѣнъ рифъ среди кипящихъ водъ,
 Но на него летитъ несчастный ботъ
 И—въ дребезги разбился онъ у цѣли:
 Отъ лодки только щепки полетѣли.

CV.

Но Донъ—Жуанъ отличнымъ былъ пловцомъ,
 Такихъ едва ли много въ этомъ мірѣ,

И въ плаваньи служить могъ образцомъ,
 Наученный тому въ Гвадалквивирѣ.
 Онъ плавалъ хорошо и, можетъ быть,
 Могъ Геллеспонтъ широкій переплыть,
 Какъ нѣкогда (тутъ скромнѣе для чего же?)
 Черезъ Геллеспонтъ переплывалъ я тоже...

СVI.

И такъ, онъ плылъ измученный, больной.
 Съ послѣдними усиліями собрался,
 До крутизны высокой и прямой
 Онъ до ночи доплыть еще старался.
 Была еще опасность—отъ акулъ:
 Одинъ пловецъ отъ нихъ ужь утонулъ,
 Другіе плавать вовсе не умѣли,—
 И лишь Жуанъ достигъ желанной цѣли.

СVII.

Но все-таки онъ былъ весломъ спасень,
 Которое до берега домчалось
 Въ тотъ самый мигъ, когда, слабѣя, онъ
 Терялъ сознанье. Къ счастью, попало
 Тогда весло,—рукой въ него виѣпясь,
 Онъ вновь подымъ средь бурныхъ волнъ крутясь,
 И наконецъ измученнымъ, усталымъ,
 На берега былъ выброшенъ онъ валомъ.

СVIII.

Едва дыша, ногтями рукъ своихъ
 Впился онъ въ землю, полнѣйшій спасенья,
 Чтобъ вновь напоръ свирѣпыхъ волнъ морскихъ
 Не утащилъ его въ свое теченье.
 Такъ безъ движенья долго онъ лежалъ
 Передъ пещерою и ощущалъ

На столько жизнь, чтобъ, чувствовать страданья,
И вперед не видѣть уюванья.

СIX.

Съ усиленъ болѣзненнымъ онъ всталъ,
Но рухнулъ вновь: безсильны были ноги;
Онъ спутниковъ искать глазами сталъ,
Съ которыми дѣлалъ свои тревоги:
Одинъ изъ нихъ былъ брошенъ на уступъ,
Но не живой: то былъ холодный трупъ,
Два дня назадъ прошло, какъ онъ скончался,
И вотъ теперь до берега домчался.

СХ.

Жуанъ смотрѣлъ. Кружилась голова,
Онъ вновь упалъ, въ глазахъ все помутнелось,
Его дыханье слышалось едва,
И вокругъ весла рука его обвилась...
Какъ лилія поблекшая межъ скалъ,
Болѣзненно-прекрасный онъ лежалъ...
Какъ хороши и стройны формы эти!...
Не много есть подобныхъ имъ на свѣтѣ...

СХI.

Жуанъ не зналъ, какъ долго длился сонъ,
Сознаніе и память въ немъ дремали.
Не сознавалъ все это время онъ,
Какъ дни и ночи мимо пролетали.
Но обморокъ глубокой миновалъ,
И Донъ-Жуанъ лишь смутно понималъ,
Что въ немъ воскресли жизненные силы,
Что устоялъ онъ у дверей магдамы.

СХІІ.

Онъ открывалъ глаза и закрывалъ:
 Еще сомнѣнье сидѣло, говорило,
 Ему казалось—въ лодкѣ онъ лежалъ,
 И вновь тоска тогда его давила,
 И звалъ онъ смерть на помощь, но потомъ
 Сталъ озираться медленно кругомъ—
 Глядитъ и видитъ, словно очарованъ,
 Прекрасной, юной дѣвушки лицо она.

СХІІІ.

Она надъ нимъ склонялася слегка
 И словно въ жизнь вернуться умоляла;
 Его ласкала нѣжная рука
 И отъ злобѣщей смерти отвлекала.
 Она его старалась разбудить
 И ласками вновь къ жизни возвратить,
 Его виски водой она мочила
 И—слабый вздохъ Жуана уловила.

СХІV.

Потомъ къ губамъ лекарство поднесла
 И тѣло обнаженное прикрыла
 И голову его приподняда:
 Ея щека подушкой послужила.
 Тихонько выжавъ воду изъ волосъ,
 Съ волненіемъ и взоромъ, полнымъ слезъ,
 Слѣдила за движеньями больного
 И вздохами красавца молодого.

СХV.

Съ прислужницей, которая была
 И старшихъ лѣтъ и менѣе красива,

Она въ пещеру тихо отнесла
 Жуана соннаго, — въ пещерѣ живо
 Спѣшили развести огонь они.
 Когда въ пещерѣ вспыхнули огни,
 Та дѣвушка явилась въ тѣнѣ глубокой
 Красавицей прекрасной и высокой.

СХVI.

На лбу ея повѣшешь рядъ монетъ,
 Среди волосъ ихъ золото сверкало,
 Тѣ кудри сзади падали (ихъ цвѣтъ —
 Каштановымъ казался), доставала
 Ея коса почти до самыхъ пятъ...
 Глаза такъ повелительно глядятъ.
 Своей осанкой гордой и пріятной
 Она вполне являлась дамою знатной.

СХVII.

Ея глаза, какъ смерть сама червы,
 И длинныя рѣсницы чѣрны были;
 Рѣсницы тѣ казались такъ длинны,
 Что бахромой для чудныхъ глазъ служили,
 И изъ подъ нихъ она глазами жгла,
 Которые сверкали, какъ стрѣла
 Иль какъ змѣя, которая проснудась
 И, показавши жало, развернулась.

СХVIII.

Чело ея сіяло бѣлизной,
 Румянцемъ щеки нѣжныя играли.
 А губка верхняя? О ней одной
 Такъ долго бы всѣ юноши мечтали!...
 Предъ женщиной подобной, наконецъ,
 Скульпторъ схватиться долженъ за рѣзецъ,

Но я въ скульпторовъ вѣрю очень мало
И въ прелесть ихъ земнаго идеала.

СХІХ.

Я говорю по опыту: я зналъ
Ирландскую красавицу когда-то.
Хотя рѣзецъ ее изображалъ,
Но все, что въ красотѣ той было свято,
То мраморъ передать собой не могъ...
И такъ, пройдетъ годовъ условный срокъ,
Появятся морщины на лицѣ томъ
И красота забудется всѣмъ свѣтомъ.

СХХ.

Въ той незнакомкѣ таже красота.
Нѣтъ строгости испанской въ платьѣ дамы:
Во всемъ нарядѣ—яркіе цвѣта.
Испанки же въ обычаѣ упрямы—
Костюмъ ихъ простъ, въ немъ нѣтъ живыхъ цвѣтовъ,
Но видя ихъ въ мапильѣ, я готовъ
Сказать одно, что всѣ онѣ колдуньи
И въ то же время рѣзвыя шалуни.

СХХІ.

На незнакомкѣ пышный былъ нарядъ,
Вкругъ ткани разноцвѣтныя спадали,
И въ локонахъ, отброшенныхъ назадъ,
Каменья драгоценные сверкали;
Весь въ золотѣ кушакъ ея блисталъ,
И кружевной вуаль съ нея спадалъ.
Но главное, что неприлично было:
Она въ туфляхъ босыя ножки скрывала.

СХХII.

Нарядъ другой былъ больше простъ. Она
 Блестящихъ украшеній не имѣла.
 Одежда этой женщины скромна:
 Лишь серебро въ кудряхъ ея бѣдѣло.
 Вуаль ея грубѣе, — самый видъ
 Свободою величья не дивить.
 Не такъ длинна коса ея густая,
 Ея осанка болѣе простая.

СХХIII.

Тѣ женщины Жуану привели
 Одежду и питье и окружили
 Заботами... Ахъ, женщины земли
 Въ заботахъ тѣхъ всегда прекрасны были!...
 Онѣ сварили страннику бульонъ.
 Хотя изъ пѣсенъ всюду изгнанъ онъ,
 Но со временъ Гомера это блюдо
 Для всѣхъ людей едва-ль казалось худо.

СХХIV.

Кто эти дамы? Тотчасъ объясню,
 Чтобъ за принцессъ вы ихъ не принимали.
 Какъ всѣ поэты, ставить западню
 Я не люблю: всѣ тайны скучны стали.
 И такъ, скажу я, правдой дорожа,
 Тѣ незнакомки были: госпожа
 Съ своей служанкой. Можетъ быть, и странно, —
 Ея отецъ жилъ въ морѣ постоянно.

СХХV.

Онъ рыбакомъ когда-то прежде былъ,
 Да и теперь отчасти имъ остался,

Но промысломъ инымъ при этомъ жилъ,
Хотя скрывать отъ всѣхъ его старался.
Контрабандистъ и нѣсколько пиратъ,
Сталъ наконецъ довольно онъ богатъ,
Имѣлъ пиастровъ груды. Деньги эти
Приобрѣталъ не чисто онъ на свѣтѣ.

СХХVI.

Онъ былъ рыбакъ, ловящій... корабле.
За ними онъ на ловлю отправлялся —
Ему сопротивляться не могли:
Онъ для купцовъ вездѣ грозой являлся.
Богатый грузъ пиратъ конфисковалъ,
Невольниковъ на рынокъ продавалъ
И, кончивши съ успѣхомъ въ морѣ ловлю,
Велъ въ Турціи богатую торговлю.

СХХVII.

Онъ грекомъ былъ. На островѣ своемъ
(На островѣ все дикостью нугало)
Построилъ онъ себѣ прекрасный домъ,
Гдѣ старика удобство окружало.
Онъ кровь людей не разъ, быть можетъ, лилъ...
Могу сказать—старикъ ужасный былъ,
Но въ домикѣ ужаснаго пирата
Все было и роскошно, и богато.

СХХVIII.

Имѣлъ онъ дочь, дочь эта—Гайде. Ей
Соперницъ по богатству было мало,
Но красотой пльнительней своей
Скорѣ всѣхъ богатствъ она пльнила.

Какъ южное растеніе, она
 Росла, заботъ и горя лишена.
 Хоть женихи руки ей искали,
 Но чувства Гайде все еще дремали.

СХХІХ.

Такъ вечеромъ, на берегу у скалъ,
 Она нашла Жуана, — безъ движенья,
 Безжизненный онъ на землѣ лежалъ.
 Онъ былъ почти-что нагъ и, безъ сомнѣнья,
 Обидѣться она была не прочь;
 Но вѣдь нельзя жъ больному не помочь?
 Притомъ же Гайде быстро разглядѣла
 И кожи бѣлизну, и нѣжность тѣла.

СХХХ.

Но въ домъ она Жуана не несетъ.
 Тамъ для него такое же спасенье,
 Какъ для мышей, которыхъ видятъ вѣдьмы.
 Ея отецъ не знаетъ свѣдѣнья
 Онъ, какъ арабъ, чтить гостя не готовъ,
 И если пустить странника подъ кровъ,
 То, измечивъ недуги осторожнаго,
 Продастъ его въ неволю, если можно.

СХХХІ.

И такъ, она за лучшее сочла
 (Такой совѣтъ служанка предложила),
 Чтобъ избѣжать несчастій и зла,
 Стеречь въ пещерѣ огня. Полно было
 Ихъ сожалѣніе, когда прокрывъ стнны
 Жуанъ глаза... Одинокій мудрецъ рѣшилъ,
 Гдѣ бы онъ жилъ.

Что сожалѣнье, нѣжная забота
 Намъ часто отворяють въ рай ворота.

СХХХII.

Онѣ огонь тотчасъ же развели,
 Двѣ-три доски разбитыя ошкандылались
 И на костеръ разломанный пошла,
 Отъ ветхости тѣ доски рассыпались
 И мачты, догнивавшія въ пыле,
 Похожи стали тамъ на костыли.
 Но къ счастью, обломковъ много было
 И для костра съ избыткомъ ихъ хватило.

СХХХIII.

Жуанъ уснулъ на дорогихъ нѣжкахъ,
 Красавица сняла соболью шубку.
 И, чтобъ теплѣй уснулъ ея, въ торопяхъ
 Свернула въ одѣяло даме тибку.
 И вотъ онѣ собираться стали въ путь,
 Чтобъ утромъ вновь въ шибдору заглянуть,
 Чтобъ принести въ случайное жилище
 Для завтрака Жуана разной пищи.

СХХХIV.

И такъ, его оставили онѣ,
 Въ мертвецкѣй сонѣ онѣ тотчасъ негрузился,
 Но передъ нимъ въ его покойномъ снѣ
 Несчастій прежнихъ образъ не явился,
 Хоть иногда несчастья прежнихъ дней
 Проходятъ въ снахъ, какъ мрачный рядъ тѣней:
 Мы въ страхѣ просыпаемся отъ грезы
 И по щекамъ бѣгутъ ручьями слезы.

CXLI.

И Гайде рано день свой начала.
 Ея лицо прекрасное цыладо.
 Кровь къ головѣ мгновенно прилида
 И на щекахъ румянцемъ заиграда,
 Такъ иногда стремительный потокъ
 Скалу пробить течениемъ не могъ,
 Преградою гранитною смирался
 И озеромъ широкимъ разливался.

CXLII.

Внизъ со скалы красавица идетъ,
 Ея нога скользитъ по камнямъ скоро;
 Привѣтъ любви ей солнце съ неба шлетъ
 И съ ней въ уста цалуется Аврора,
 Ошибку эту можемъ мы понять:
 Какъ двухъ сестеръ, ихъ можно обожать,
 А дѣва горъ вдвойнѣ еще прелестна:
 Богиня хороша, но... безвѣсна...

CXLIИ.

Въ пещеру Гайде входитъ. Тихо спитъ
 Прекрасный гость. Она къ нему подкралась
 И съ трепетомъ за своимъ его слѣдитъ.
 (Сонъ всякій страшень). Гайде постаралась
 Еще теплѣе странника прикрыть
 И отъ дыханья вѣтра охранить.
 Потомъ она, бозмолвна какъ могила,
 Надъ нимъ склоняясь, дыханье затаила.

CXLIV.

Какъ херувимъ, стоитъ надъ нимъ она
 И охраняетъ ложе чужеземца.

И спитъ Жуанъ, в чистыя грезы сна,
 Какъ грезы задремавшаго младенца!
 Межъ тѣмъ и завтракъ Зоя принесла
 (Та парочка нуждаться въ немъ могла),
 И берегла она по той причинѣ
 Запасную провизию въ корзинѣ.

СXLV.

Безъ пищи жить никто еще не могъ, —
 Благоразумно Зоя рассуждала
 И, чуждая любовныхъ всѣхъ тревогъ,
 Отъ утренняго холода дрожала,
 Потомъ готовить завтракъ начала:
 Она съ собой въ пещеру принесла
 Хлѣбъ, кофе, фрукты, рыбу, медъ, все это
 Являлось выраженіемъ привѣта.

СXLVI.

Готово все и Зоя въ этотъ часъ
 Уже будить Жуана подходила,
 Но Гайде взглядъ ей выразилъ отказъ,
 И два пальчикъ къ губамъ приложила.
 Когда же завтракъ сдѣланный простылъ,
 То приготовленъ новый завтракъ былъ.
 А сонъ Жуана все не прерывался
 И вѣчностью обѣимъ имъ казался.

СXLVII.

Онъ все еще на мягкомъ ложѣ спалъ,
 Его лицо румянецъ озаряетъ.
 Такъ иногда вершинамъ дальнихъ скалъ
 Послѣдній свѣтъ денница посылаетъ.
 Страданіемъ черты его полны,
 Въ его кудряхъ — слѣды морской волны,
 Т. СVI. Отд. I.

Морскою пѣной спереди и сзади
Еще сверкала шелковая прядь.

СXLVIII.

Она надъ нимъ склонилась. Онъ лежитъ,
Какъ вътеркомъ нетронутая ива,
Какъ океанъ, когда гроза молчитъ
И онъ струится тихо и лѣниво.
Онъ былъ хорошъ, какъ роза межъ цвѣтовъ,
Какъ юный лебедь, — словомъ, я готовъ
Назвать его вполне красивымъ мальчикъ,
Хоть былъ теперь онъ желтымъ и усталымъ.

СXLIX.

Проснулся онъ и вновь бы могъ заснуть,
Но дивное лицо предъ нимъ мелькнуло,
И вновь ему хотѣлось взглянуть:
Ужель его лишь грѣза обманула?..
Прекрасныхъ лицъ Жуанъ не забывалъ,
И даже если въ храмъ онъ стоялъ,
То оставлялъ другія всѣ иконы
Для образа божественной Мадонны.

CL.

Онъ на локтяхъ тогда приподнялся,
Смотря въ дѣву. Гайде растерялась,
Въ ея лицѣ румянецъ раздвинулся
И съ нимъ заговорить она старалась,
И прошептала страннику въ тотъ мигъ
(То былъ новѣйшій греческій языкъ),
Что говорить не долженъ онъ ни слова,
И предложила пищу для больного.

СLI.

По гречески Жуанъ не понималъ,
 Но ~~его~~ рѣчь такъ нѣжно прозвучала,
 Какъ щебетанье птички. Онъ внималъ
 Той музыкѣ, которая ласкала
 И нѣжила и кротко такъ лилась.
 Такіе звуки слезы будятъ въ насъ,
 И плачемъ мы, причины слезъ не зная,
 Тѣ звуки только сердцемъ понимаю.

СLII.

Онъ вокругъ глядѣлъ, какъ будто пробужденъ
 Былъ звуками незримаго органа.
 Такъ иногда обманываетъ сонъ,
 Пока насъ не разбудитъ отъ обмана
 Слуга, стучащій въ дверь... Ахъ, этотъ звукъ
 Мнѣ былъ невыносимѣе всѣхъ мукъ.
 Сонъ утренній люблю я... Въ ночи наши
 И женщины, и звѣзды вдвое краше.

СLIII.

Жуанъ очнулся. Сильный аппетитъ
 Героя скоро вызвалъ изъ забвенья,
 Притомъ же яствъ готовыхъ милый видъ
 Раздраживалъ въ немъ голодь, безъ сомнѣнья,
 А также свѣтъ отъ яркаго костра
 Приятно грѣлъ его... Пришла пора —
 Жуанъ о пищѣ думать начинаетъ:
 Особенно бифштексъ его плавняетъ,

СLIV.

Но мясо очень рѣдко было тамъ.
 Хотъ козы въ тѣхъ мѣстахъ и попадались,

Но въ праздники одни по островамъ
 Тѣмъ рѣдкимъ мясомъ жители питались...
 На островахъ пустынно какъ въ глуши,
 Лишь кое-гдѣ мелькаютъ шалаши —
 Но островъ тотъ, гдѣ Донъ-Жуанъ намъ встретилъ —
 Былъ не таковъ: обиленъ и богатъ онъ.

CLV.

Я говорилъ о мясѣ, мнѣ межъ тѣмъ
 О Минотаврѣ басня представлялась
 (Которая гнѣвнѣе иныхъ: зачѣмъ
 Въ ней дама вдругъ въ королю обращалась?)
 И въ этой баснѣ смыслъ глубокий былъ:
 Тебя я, Пазифая, полюбилъ —
 Ученика скотовъ ты поощряла,
 И этимъ въ людяхъ храбрость возбуждала.

CLVI.

А англичане? Мясомъ — ища охъ, —
 (О пивѣ говорить я здѣсь не стану,
 И рассказы о жидкостяхъ другихъ,
 Пожалуй, и нейдутъ совсѣмъ къ роману).
 Притомъ, война — британцу дорога.
 Итакъ, по смыслу басня та строга.
 По милости ея, равно достойны
 Вниманія, какъ мясо, такъ и войны.

CLVII.

Воротимся къ Жуану. Донъ-Жуанъ
 При видѣ пищи сочной наслаждался
 И отъ восторга сдѣлался вдругъ пьянъ:
 Такъ долго онъ сыремъ однимъ питался.
 Дремавшій голодь въ немъ заговорилъ,
 Онъ мысленно судьбу благодарилъ

И начали работать быстро скулы,
Какъ у кита или у морской акулы.

CLVIII.

Онъ ѣлъ ужасно. Гайде, словно мать,
Ему въ занятя этомъ не мѣшала,
Но Зоя начала припоминать
(Она вѣдь книжекъ разныхъ не читала!),
Что ѣсть голоднымъ много не даютъ
И что они отъ пищи лишней мрутъ,
Что нужно ихъ кормить какъ только можно
Умѣренно и очень осторожно.

CLIX.

И тутъ она рѣшилась заявить,
Не столько словомъ, сколько дѣломъ самымъ,
Что онъ свой завтракъ долженъ прекратить
И съ аппетитомъ справиться упрямымъ.
И чтобы смерть къ Жуану не пришла,
Она сама тарелку отъела:
«Онъ столько съѣлъ — она сказать хотѣла —
Что лошадь отъ него бы заболѣла».

CLX.

Потомъ, — онъ былъ еще до этихъ поръ
Почти что нагъ, — лохмотья всѣ сложили
И бросили ихъ въ пламя на костеръ,
А Донъ-Жуана туркомъ нарядили.
За турка бы его признали мы:
Лишь не было на головахъ чалмы.
Ему надѣть шальвары предлагали
И въ новую рубашку одѣвали.

И Гайде говорить съ нимъ начала.
 Хотя Жуанъ не понималъ ни слова,
 Но юная гречанка не могла
 Рѣчь перервать, — она была готова
 Предъ нимъ до безконечности болтать:
 Жуанъ ее не думалъ прерывать...
 Ужь очень поздно Гайде догадалась,
 Что болтовня ея не понималась.

CLXII.

И тутъ она, чтобъ замѣнить языкъ,
 Къ улыбкѣ, къ разнымъ жестамъ прибѣгала:
 Въ его лицѣ восторженномъ въ тотъ мигъ
 Отвѣтъ краснорѣчивый прочитала.
 Черты лица Жуана — говорятъ
 И много думъ высказываютъ взглядъ.
 Жуана взоры ярко такъ блистали,
 Что звуки словъ въполнѣ ей замѣняли.

CLXIII.

Посредствомъ пантомимъ они могли
 Между собой затѣять разговоры,
 Но болѣе всего тутъ помогли
 Обоимъ имъ ихъ собственные взоры:
 Какъ астрономъ читалъ небесъ языкъ
 Лишь по звѣздамъ, а не изъ скучныхъ книгъ,
 Такъ глазки Гайде азбукой служили
 И поняты Жуаномъ скоро были.

CLXIV.

Пріятно иностраннымъ языкамъ
 По взглядамъ милыхъ женщинъ обучаться, —

Я говорю про молодыхъ лишь дамъ,—
 По опыту могу я въ томъ ручаться.
 Онѣ смѣются, видя неуспѣхъ,
 И при успѣхахъ тотъ же сльшпенъ смѣхъ,
 А далѣе и поцалуй родится...
 По тѣмъ урокамъ могъ я научиться...

CLXV.

Пять словъ испанскихъ, протоскиихъ понять.
 По итальянски вовсе я не знаю,
 По англійски могу съ трудомъ болтать:
 Я тотъ языкъ по Блеру изучаю,
 По Тиллотсону также; ихъ языкъ
 Есть образецъ религіозныхъ книгъ.
 Поэтовъ же я просто ненавижу
 И пользы въ чтеніи ихъ совсѣмъ не вижу.

CLXVI.

О дамахъ же молчу совсѣмъ. Я самъ
 Рожденъ, какъ говорится, въ «высшемъ свѣтѣ»,
 Гдѣ я любилъ когда-то многихъ дамъ
 И испыталъ страстишекъ разныхъ свѣти,
 Но я забылъ и ихъ, и модныхъ львовъ,
 И въ память ихъ сберегъ лишь пару словъ:
 Враги, друзья и женщины! Межь нами
 Все кончено: вы стали только снами...

CLXVII.

Межь тѣмъ Жуанъ заучивалъ слова,
 Ихъ повторялъ ему теперь пріятно...
 Исторія любви намъ не нова,
 Для всѣхъ сердецъ она равно понятна,
 Всемирна, какъ блескъ солнца въ небѣ... Онъ,
 Какъ многіе-бъ изъ насъ, ужъ былъ влюбленъ,

Она сама въ долгу не оставалась —
 Что сплошь да рядомъ по свѣту случалось.

CLXVIII.

Съ разсвѣтомъ дня (Жуанъ любилъ познать,
 А Гайде поднималась очень рано)
 Она въ пещеру стала приближаться
 И, наклонившись къ ложу Донъ-Жуана,
 Ласкала локонъ свѣжидо-рукой,
 Не прерывая сна его попой,
 Едва дыша надъ мильми устани:
 Такъ дышетъ южный вѣтеръ надъ цвѣтами.

CLXIX.

И съ каждымъ днемъ Жуанъ бодрѣе смотрѣлъ,
 Его здоровье быстро поправлялось.
 Замѣчу здѣсь: для всѣхъ любовныхъ дѣлъ
 Здоровье сильной помощью являлось.
 Здоровье и бездѣлю — для страстей
 Есть масло или порохъ межъ людей,
 И безъ уроковъ Бахуса, Цереры
 Не такъ сильна была бы власть Венеры.

CLXX.

Пока Венера сердце шевелить
 (Любовь безъ сердца дѣйствуетъ носило),
 Церера возбуждаетъ аппетитъ, —
 Любовь должна питаться, какъ и тѣло, —
 А Бахусъ наливаетъ намъ вина,
 Зоветь на пиръ, гдѣ ѣсть любовь должна...
 Кто яства сверху людямъ посылаетъ —
 Нептунъ или Панъ — еще никто не знаетъ.

СЛXXI.

Жуанъ, проснувшись, завтракъ находилъ
И — дивные глаза островитянина,
Которыхъ блескъ насъ смогъ бы и смутить.
Притомъ еще глаза ея служанки...
Но я писалъ объ этомъ, и опять,
Пожалуй, скучно будетъ повторять...
Итакъ, Жуанъ въ морскихъ волнахъ купался
И къ завтраку и къ Гайде возвращался.

СЛXXII.

Невинность ихъ такъ велика была,
Что ихъ купанье вовсе не смущало.
Казалось ей; она давно ждала
Его къ себѣ, не разъ во снѣ видала.
Хотѣлось ей теперь его любить
И счастье дать, и счастье прудчить...
Такъ близнецомъ на свѣтъ родится счастье
И жить не можетъ въ мирѣ безъ участя.

СЛXXIII.

Пріятно ей съ нимъ вмѣстѣ быть, дрожать
Отъ легкаго его прикосновенья,
И сонъ его поутру охранять
И дожидаться тихо пробужденья.
Жить вѣчно съ нимъ — мечтать она могла,
Разлука ей была бы тяжела.
Жуанъ ей былъ усладою въ часъ горя,
Сокровищемъ, подаркомъ бурь и моря.

СЛXXIV.

Прочтася мѣсяць. Въ нильскій уголокъ
Никто нежданно не гостемъ не явился,

Никто еще въ тѣ дни узвать не могъ,
 Что Донъ-Жуанъ въ погнѣхъ поселился.
 Вотъ наконецъ пирата корабли
 Въ открытый океанъ оплыть ушли
 И тамъ суда съ купеческими товарами
 Преслѣдовать они пустились съ жаромъ.

CLXXV.

Пирата дочь свободна осталась:
 Отецъ ушелъ; она была свободна,
 Какъ женщина замушья въ тотъ разъ,
 Могла ходить вездѣ, гдѣ ей угодно.
 Никто ея свободы не стѣснялъ,
 Никто за ней теперь не наблюдалъ...
 Завидовать должны ей наши дамы,
 Хоть ихъ стѣснять не любилъ никогда мы.

CLXXVI.

Они встрѣчались чаще. Понималъ
 Онъ много словъ, нерѣдко съ ней гуляя,
 Межъ тѣмъ давно ль онъ на песокъ лежалъ,
 Какъ сорванная роза, увядая,
 На берегу морскомъ, близъ дикихъ скалъ?...
 Такъ, кончивъ завтракъ, съ нею онъ гулялъ.
 Они природой вмѣстѣ наслаждались
 И заходящимъ солнцемъ любовались...

CLXXVII.

Тѣ берега имѣли дикій видъ,
 Кругомъ пески иль скалы поднимались.
 У береговъ капризный вѣтъ бурлитъ,
 Мѣстами бухты съ моря выдавались...
 Тамъ не смолкала волна алая и бѣлая
 И лишь въ затнѣхъ и тннхъ вечернихъ

Поверхность моря озеромъ сіла
И тишину волненья не смущаетъ.

СЕХХVIII.

На берегу среди прибрежныхъ скалъ
Морская пѣна землю покрываетъ:
Такъ до краевъ наполненный стаканъ
Шипучей влагой весело играетъ...
Пусть мудрецы болтають, что кощитъ,
И пѣть вино, и пить вино я радъ...
Сегодня пирь съ подругой молодою,
А завтра мудрость съ содовой водою.

СЕХХIХ.

Пускай вино волнуеть нашу кровь,
Одинъ восторгъ есть въ жизни — опьяненье.
Вино и слава, деньги и любовь —
Вотъ все, въ чемъ міръ вкушаетъ наслажденье.
Нѣтъ, безъ тебя, богами данный сокъ,
Безцвѣтенъ былъ бы жизни краткій срокъ.
Такъ пейте же, и если пробудитесь
Съ ломотою — вы такъ распорядитесь:

СЕХХХ.

Слугѣ тотчасъ велите вы подать
Гохгеймера и соды, и тогда вы
Все наслажденье можете понять...
Нѣтъ, ни шербеть, пріятный въ часъ забавы,
Ни водяная капля средь степей,
Бургонское съ прозрачностью своей —
Все это не замѣнить ни чуждою
Тебя, Гохгеймеръ, съ содовой водою.

CLXXXI.

И такъ, въ тотъ часъ весь берегъ точно спалъ
 И словно небо самое дремало.
 Песокъ недвижной массою лежалъ
 И синяя волна не бушевала.
 Лишь крикомъ птицъ смущалась тишина,
 Да иногда бессонная волна
 О грудь скалы прибрежной разбивалась
 И брызгами по камнямъ разсыпалась.

CLXXXII.

Жуанъ и Гайде, и ужъ говорилъ,
 Въ отсутствіи отца вдовоси гуляли.
 За Гайде братъ дозоромъ не ходилъ
 И къ ней опекуна не приставляли.
 Лишь только Зоя съ нею всюду шла,
 Но у нея обязанность была —
 Услуживать, чесать и для награды
 Выпрашивать потертые шарды.

CLXXXIII.

Насталъ тотъ часъ, когда съ вершины скалы
 Повѣяла вечерняя прохлада
 И изъ-за горъ лучъ солнечный сверкалъ.
 Въ зенитѣ тишь и нѣга, и отрада.
 Всѣ берега озарены тепло
 И море тихо, ясно, какъ стекло,
 И блещетъ небо розовою краской,
 А въ немъ горитъ звѣзда съ любовной лаской.

CLXXXIV.

Рука съ рукой гуляетъ ихъ чета.
 По ровному песку они блуждали

И забирались въ дннн мѣста,
 Глубокія пещеры посѣщали.
 Предъ ними открывался мрачный залъ,
 Гдѣ темный сводъ кристаллами сверкалъ,
 И тамъ они обнявшись отдыхали
 И солнце предъ закатомъ провожали.

СЕХХХV.

Они глядѣли въ небо:—ясный сводъ
 пылалъ кругомъ, какъ розовое море,
 И дискъ луны волновалъ въ синихъ водахъ
 И отражался въ синевѣ въ прѣсторѣ.
 Ласкалъ ихъ вѣтерокъ своей игрой,
 Когда жъ встрѣчались взоры ихъ, порой,
 Тогда они въ забвеніи сливались
 И въ поцалуй восторженный сливались,

СЛХХХVI.

Въ тотъ долгій поцалуй любви,
 Въ которомъ отражается все счастье,
 Когда огонь горитъ у насъ въ крови
 И насъ охватитъ страсть самовластье,
 Когда нашъ пульсъ kloчочетъ, какъ волканъ
 И поцалуи есть тотъ же ураганъ.
 Я слышу поцалуя понимаю,
 И долгой его я измѣряю.

СЛХХХVII.

Ихъ поцалуй былъ дологъ, безъ конца,
 Они его едвали измѣряли...
 Однимъ бненьемъ блились ихъ сердца,
 Они безъ словъ другъ друга понимали.
 Нечаянно сливались ихъ уста,
 Какъ пчелы у цвѣточнаго куста,

И ихъ сердца—для нихъ нѣтами были,
Гдѣ оба медь сладчайшій находили.

СЛХХVІІІ.

Они одни,—не къ комнатѣ пустой,
Гдѣ спрячемся мы часто для свиданья,
Предъ ними—море, мѣдью, золотой,
Пески, пещеры, звезда ночныхъ сиянь.
Все это окружало ихъ въ тотъ часъ...
Они сидятъ другъ къ другу наклонясь,
Какъ будто въ мѣрѣ нѣтъ другихъ созданій...
Имъ дѣла нѣтъ до будущихъ страданій.

СЛХХХІХ.

Никто не могъ ихъ ночью испугать,
Они вдвоемъ въ ту ночь не трепетали...
Не много словъ пришлось имъ повторять,
Но ими все счастливицы выражали.
Все то, что могъ бы выразить языкъ,
Имъ тихій вздохъ передавать привыкъ...
Вздохъ, этотъ лучший способъ выраженья,
Намъ Ева завѣщала по паденьи...

СХС.

Клятвъ и обѣтовъ Гайде не ждала,
Она о нихъ едва ли и слыхала,
Какъ и о томъ, что дѣвушка могла
Опасности найти въ любви не мало,
Невѣденъ—одинъ ея оплотъ,
И къ юношѣ любовь ее влечетъ...
Невѣрности она не понимаетъ,
А потому о ней не поминаетъ.

Она любила сильно и была
 Любима тоже и, хотя казалась,
 Любовь могла сердца их сжечь до тла,
 Но въ сердца много жизни оставалось.
 Их чувства замирали, чтобъ опять
 Для новаго блаженства восприсать...
 Все больше, больше Гайде убѣждалась,
 Что для него на свѣтъ она рождалась.

СХСІ.

Увы! они такъ юны, хороши,
 Такъ любящи, такъ слабы, одиноки, —
 Притомъ въ такой пѣвнительной тиши
 Благоразумья всякаго далеки,
 Что ихъ ждала ужасная бѣда,
 Которая на многіе года
 Намъ адскимъ пыломъ сердце разжигаетъ
 И вѣчными страданьями терзаетъ.

СХСІІ.

О, бѣдные Жуанъ и Гайде!.. Нѣтъ
 Четы прекраснѣй въ мірѣ безъ сомнѣнья...
 Ужель имъ жизнь готовить не привѣтъ,
 Но страшные часы грѣхопаденья?..
 Объ адѣ Гайде слышала не разъ,
 Она страшилась дьявольскихъ проказъ,
 Но, такова любви могучей сила,
 Теперь-то вотъ о всемъ и позабыла.

СХСІІІ.

При лунномъ свѣтѣ блещутъ вѣры ихъ,
 Ея рука — на шеѣ Донъ-Жуана,

Онъ обвился кистями рукъ своихъ
 Вкругъ стройнаго и дѣвственнаго стана.
 Прижавъ къ себѣ, онъ Гайде обнималъ,
 Въ себя онъ каждый вздохъ чуждого...
 Они сидѣли, словно извѣстье;
 Достойное рѣча и обилия.

СХСV.

Мигъ упоенья быстро промелькнулъ
 И — (Гайде сна спокойнаго не знала)
 Жуанъ въ ея объятіяхъ уснулъ:
 Она его къ груди своей прижала...
 Порой, она смотрѣла въ небеса,
 Иль опускала ясные глаза
 На юношу, котораго любила,
 И всю себя на жертву приносила...

СХСVI.

Съ восторгомъ въ пламя смотрится дитя
 И у груди родимой засыпаетъ;
 Арабъ, гостепріимствомъ не шутя,
 Съ привѣтомъ чужестранца принимаетъ,
 Морякъ за призомъ гонится, скупой
 Привыкъ дрожать надъ грудой золотой.
 Но лучшаго не знаю я желанья:
 Стеречь покой любимаго созданья.

СХСVII.

Пусть спитъ оно. Съ нимъ наша жизнь слѣзась.
 Пусть спитъ оно, во снѣ не сознавая
 О счастьи, имъ отданномъ, дѣдъ насъ,
 И мысли сокровенныя скрывая.
 Что думало, чѣмъ мучилось оно —
 Въ далекой глубинѣ погребено...

Пускай же спитъ другъ милый и любимый,
Любовью и участіемъ хранимый!..

СХСVIII.

Такъ Гайде стерегла Жуана сонъ.
Въ ней впечатлѣнья новыя реждали
И океанъ, и ночь, и небосклонъ,
Которые кругомъ ея сіяли...
Среди песковъ и этихъ дикихъ скалъ
Никто любви блаженной не мѣшалъ
И только звѣзды въ небѣ понимали,
Что ихъ счастливей въ мірѣ не видали.

СХСIX.

Увы! любовь для женщины страшна,
Какъ періодъ прелестный и ужасный —
Азартная игра для нихъ она:
Когда случится проигрышъ несчастный —
Миръ ихъ души уже на вѣкъ разбитъ.
Вотъ почему ихъ ищенье такъ страшитъ:
Онѣ какъ тигръ на жертву нападаютъ,
Но мстя другимъ, еще сильнѣй страдаютъ.

СС.

Несправедливы къ женщинамъ всегда
Мы всѣ, мы всѣ: намѣна ждетъ ихъ вѣчно.
Онѣ умѣютъ многіе года
Любить, скрывая это, безконечно,
Пока не поведутъ ихъ подъ вѣнецъ.
Что жъ остается всѣмъ имъ подъ конецъ?
Невѣрный другъ, лѣнивый мужъ на свѣтѣ,
Наряды, сметни, ханжество и дѣти!..

ССІ.

Однѣ берутъ любовниковъ; инымъ
 Хозяйство счастье скоро чуждается.
 Тѣ отъ мужей уходятъ, только имъ
 За это свѣтъ презрѣніе бросаетъ
 И рѣдко жизнь пригрѣветъ ихъ опять:
 Имъ счастья обновленнаго не звать.
 Иныя же, когда съ пути сбываются,
 Писаньемъ повѣстей тотчасъ займутся.

ССІІ.

Но, Гайде — ты была невестой горь,
 Рожденная подъ солнцемъ слишкомъ жгучимъ,
 Гдѣ южной страстью пышетъ женскій взоръ:
 Смотрѣть покойно ихъ мы не научимъ.
 И Гайде для любви сотворена,
 Она ничѣмъ не будетъ смущена,
 Когда избранникъ милый ей найдется:
 Въ ея груди не даромъ сердце бьется,

ССІІІ.

О ты, бѣенье сердца!... Сколько разъ
 Намъ за тебя случилось поплатиться,
 Хоть радость ты и возбуждало въ насъ...
 Не рѣдко мудрость старая стремится
 Тѣ радости для насъ разоблачать
 И много истинъ славныхъ наказать...
 Тѣ истины такъ мудры, что покуда
 Ихъ обложить бы пошлюхой не худо.

ССІV.

Итакъ свершилось, — вмѣсто брачныхъ свѣчь
 Любовь ихъ звѣзды ночи озарили,

Имъ волны шлюють ливневенную рѣнь
 И небеса имъ храмомъ послужили,
 Духъ тишины ихъ бракъ благословилъ.
 Такъ совершенъ союзъ счастливый былъ.
 Блаженство имъ повсюду улыбалось
 И та пустыня раемъ показалась.

ССV.

Любовь! предъ нею Цезарь трепеталъ,
 Предъ ней рабомъ Антоній преклонялся,
 И голосъ Сафо нѣжностью дрожалъ
 (Любви, которой мѣръ весь удивлялся), —
 Любовь! Кто ты? зачѣмъ ты въ мѣръ пришла?
 Стоишь ты надъ людьми, какъ геній зла:
 Хотя меня терзала ты, волнуй,
 Но дьяволомъ тебя не назову я.

ССVI.

Ты нарушала браки столько лѣтъ,
 Ты лбы мужей великихъ оскорбляла:
 Вотъ Цезарь, Велизарій, Магометъ.
 Ихъ имена исторія вписала,
 Весь мѣръ узналъ теперь про ихъ дѣла,
 А между тѣмъ ихъ участь очень зла:
 Они всегда героями являлись,
 Но три ихъ лба рогами украшались.

ССVII.

Любовь своихъ философовъ нашла,
 И Аристиппъ и Эпикуръ старались
 Втянуть насъ въ грѣхъ; наука ихъ была
 Доступной всѣмъ. Къ чему жь не догадались
 Они отъ бѣса насъ освободить?
 Тогда бы ихъ могли мы оцѣнить...

«Люби и пей» — рѣчь эта прозвучала
Изъ царственного рта Сардапала...

ССVІІІ.

Но Юлію ужель Жуанъ забылъ?
И скоро такъ ужель забыть возможно?
Вопросъ такой меня теперь смутилъ:
Рѣшать такой вопросъ неосторожно.
Я думаю однако, что луна
Виновна въ томъ; всему виной — она.
Иначе почему же, — мы не знаемъ, —
Для новыхъ лицъ мы прежнихъ обвиняемъ?...

ССІХ.

Непостоянство, просто, смертный грѣхъ.
Я началъ презирать и сталъ гнушаться
Непостоянства этого во всѣхъ.
А между тѣмъ, я долженъ здѣсь признаться,
Что въ маскарадѣ мнѣ, не такъ давно,
Прелестное попало домино.
Въ той маскѣ вѣрно демонская сила:
Она меня до ужаса плѣнила.

ССХ.

Но мудрость мнѣ при этомъ помогла
И о «священныхъ узахъ» намекнула.
Я думать сталъ, но маска подошла:
«Ахъ, что за зубы, Боже! Какъ взглянула!
«Замужняя иль нѣтъ? — пойду узнать,
«Она должна объ этомъ мнѣ сказать!»
Но мудрость здѣсь опять въ права вступила
И предо мною «стой!» проговорила.

ССХІ.

Вернусь къ непостоянству. Чувствомъ тѣмъ
 Мы только дань восторга выражаемъ
 Къ прекрасному въ природѣ и ко всѣмъ
 Красавицамъ, которыхъ мы встрѣчаемъ.
 Мы красоту и въ статуѣ почтимъ,
 И если жизнь съ созданьемъ молодымъ
 Намъ встрѣчу хоть случайную послала,
 Мы въ женщинѣ чтимъ святость идеала.

ССХІІ.

Непостоянство — дань для красоты.
 Оно насъ развиваетъ въ этомъ мірѣ,
 Оно сошло съ надзвѣздной высоты
 И зародилось нѣкогда въ эфирѣ.
 Жизнь безъ него казалась бы пошла...
 Хотя оно доводитъ насъ до зла,
 Но потому, должны мы въ томъ признаться,
 Что наша кровь способна воспалиться.

ССХІІІ.

Но все-таки то чувство тяжело.
 Когда бь одну мы женщину любили
 И отъ нея ничто насъ не влекло,
 Мы бь отъ страданья сердце отучили;
 (За тѣмъ, что научаемся страдать,
 Когда другой не можемъ обладать)
 Когда бь одна насъ женщина плѣняла,
 То это бь сердце съ печенью спасало.

ССХІV.

Сердца людей — подобны небесамъ.
 Они, какъ небо, могутъ измѣняться,

Пронесется нерѣдко бури тамъ
 И часто громы могутъ раздаваться.
 Когда гроза спалитъ все сердце въ насъ,
 То дождевыми каплями изъ главъ
 Пльются слезы горькія потокомъ:
 Бываетъ такъ на сѣверѣ далекомъ.

ССХV.

Для нашей жедчи печаль — лазаретъ,
 Но отъ недуговъ рѣдко онъ спасаетъ:
 Страсть первая живетъ въ немъ много лѣтъ
 И отъ страстей другихъ не умолкаетъ.
 Въ немъ злоба, страхъ и ненависть кипятъ,
 И рвутся вверхъ, вокругъ разливая ядъ:
 Такъ въ кратерѣ подземнаго волкана
 Всегда зияетъ огненная рана.

ССХVI.

Но я пока остановлю рассказъ.
 Какъ въ первой пѣснѣ этого романа,
 Здѣсь двѣсти слишкомъ стансовъ; каждый разъ
 Я этой цифры въ пѣсняхъ Донъ-Жуана
 Держаться буду точно и всегда.
 Кладу перо. Прощайте, господа.
 Теперь Жуанъ и Гайде могутъ самц
 Здѣсь отвѣчать за повѣсть передъ вами.

ДМИТРИЙ ПИЩЕВЪ